

- [Габриэль Гарсиа Маркес](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Габриэль Гарсиа Маркес

Сиеста во вторник

Поезд, выйдя из дрожащего коридора красных скал, углубился в банановые плантации, бесконечные и одинаковые справа и слева, и воздух стал влажным и перестал ощущаться ветерок с моря. В окно вагона ворвался удушающий дым. По узкой дороге рядом с рельсами волны тянули повозки, доверху нагруженные зеленоватыми гроздьями бананов. За дорогой, на ничем не засаженной и потому какой-то неуместной здесь земле, стояли конторы с электрическими вентиляторами внутри, казармы из красного кирпича и проглядывающие среди пыльных розовых кустов и пальм террасы с белыми столиками и стульями. Было одиннадцать часов, жара еще только начиналась.

— Лучше поднять стекло, — сказала женщина. — А то у тебя все волосы будут в саже.

Девочка попыталась, но заржавевшая рама не сдвинулась с места.

Кроме них, пассажиров в этом простом вагоне третьего класса не было. Дым из паровозной трубы по-прежнему вливался в окошко, и девочка поднялась с места и положила на свое сиденье вещи — пластиковую сумку с едой и обернутый газетой букет цветов. Она пересела на скамейку напротив, подальше от окна, лицом к матери. Обе были в бедном и строгом трауре.

Девочке было двенадцать лет, и на поезде она ехала впервые. Веки у женщины были в синих прожилках, а ее тело, маленькое, дряблое и бесформенное, облегалось платьем, скроенное как сутана. Было непохоже, что она мать девочки — для этого она казалась слишком старой. Она сидела так, словно позвоночник ее прирос к спинке скамьи, и обеими руками держала на коленях когда-то лакированный, а теперь облезлый портфель. Лицо ее выражало полное спокойствие, присущее людям, живущим все время в бедности.

В двенадцать началась жара. Поезд, чтобы пополнить запас воды, остановился на десять минут на каком-то полустанке. Снаружи, в таинственном молчании плантации, тени были необыкновенно чистыми, а внутри вагона застоявшийся воздух пах невыделанными кожами. Дальше поезд пошел, уже не набирая большой скорости. Два раза он останавливался в одинаковых городках, деревянные дома которых были

выкрашены яркими красками. Женщина, уронив на грудь голову, задремала. Девочка сняла туфли, пошла в туалетную комнату и положила увядшие цветы в воду.

Когда она вернулась, мать уже ждала ее: пора было есть. Она дала девочке кусок сыра, кусок мясного пирога из маисовой муки и сладкую галету и то же самое достала из пластиковой сумки для себя. Они начали есть, а поезд тем временем очень медленно переехал стальной мост и покатил через новый городок, точно такой, как прежние, с той только разницей, что на площади в нем толпился народ. Под расплавляющим все и вся солнцем играли что-то веселое музыканты. За городком, на иссушенной равнине, плантаций уже не было. Женщина перестала есть.

— Обуйся, — сказала она.

Девочка посмотрела в окно. Она увидела только голую равнину; поезд снова начал набирать скорость, однако она положила недоеденную галету в сумку и мигом обулась. Мать дала ей расческу.

— Причешись.

Девочка стала причесываться, и в эту минуту паровоз засвистел. Женщина рукой обтерла потные шею и лицо. Едва только девочка кончила причесываться, как в окне замелькали первые дома нового городка, большего по размерам, но еще более унылою, чем прежние.

— Если тебе нужно что-нибудь сделать, сделай это теперь, — сказала мать. И потом, даже если ты будешь умирать от жажды, не проси ни у кого воды. И, самое главное, не плачь.

Девочка кивнула. В окна сквозь свистки паровоза и подрагиванье старых вагонов врывался обжигающий сухой ветер. Женщина свернула сумку с остатками еды и убрала в портфель. На какое-то мгновение в окне засиял и потух весь городок, такой, каким он был в этот пронизанный светом августовский вторник. Девочка завернула цветы в мокрую газету, отсела еще дальше от окна и пристально посмотрела на мать. Та ответила ей спокойным, ласковым взглядом. Свисток оборвался, и поезд начал замедлять ход. Потом он остановился.

На станции не видно было ни одного человека. На другой стороне улицы, затененной миндальными деревьями, открыта была только бильярдная. Городок плавал в зное. Женщина и девочка вышли со станции, пересекли мостовую, бульжник которой уже начинал разрушаться от напора травы, и оказались в тени — на тротуаре.

Было почти два часа пополудни. В это время дня городок, придавленный к земле оцепенением сна, предавался снесте. Лавки, учреждения, муниципальная школа закрывались в одиннадцать и

открывались лишь незадолго до четырех, когда поезд возвращался. Открытыми оставались только гостиница напротив станции, буфет в ней и бильярдная и тут же, на площади, но чуть сбоку, почта. В домах, построенных в своем большинстве по стандарту банановой компании, были заперты изнутри двери и спущены шторы. В некоторых было так жарко, что обитатели их обедали в патио. Другие сидели на стульях в тени миндальных деревьев, прямо на улице, и там проводили часы сиесты.

Стараясь идти в тени и ничем не нарушать отдыха жителей, женщина с девочкой зашагали по городку. Они пошли прямо к дому священника. Мать провела ногтем по металлической сетке, которой была затянута дверь, подождала немного и сделала то же самое снова. Внутри жужжал электрический вентилятор. Они не услышали шагов, только дверь скрипнула где-то внутри дома, а потом совсем близко, прямо за металлической сеткой, настороженный голос спросил:

— Кто это там?

Мать попыталась разглядеть того, кто подошел.

— Мне нужен падре, — сказала она.

— Он сейчас спит.

— У меня срочное дело, — сказала мать. Ее голос звучал спокойно, но настойчиво.

Дверь беззвучно приоткрылась, и они увидели полную невысокую женщину; кожа у нее была очень бледная, а волосы стального цвета. За толстыми стеклами очков ее глаза казались совсем маленькими.

— Войдите, — и она открыла дверь настежь.

Они вошли в комнату, пропахшую запахом увядших цветов. Женщина подвела их к деревянной скамье со спинкой и жестом пригласила их сесть. Девочка села, но мать продолжала стоять, сжимая в руках портфель, погруженная в свои мысли. Никаких звуков, кроме жужжанья вентилятора, слышно не было.

Дверь, которая вела в другие комнаты, открылась, и на пороге опять появилась та же женщина.

— Говорит, чтобы вы пришли после трех, — почти прошептала она. — Он только пять минут как лег.

— Поезд уходит в половине четвертого, — сказала мать. Ее слова прозвучали коротко и уверенно, но в голосе, все таком же спокойном, значения было больше, чем в словах. Впервые женщина, впустившая их в дом, улыбнулась.

— Хорошо, — сказала она.

Дверь закрылась за нею снова, и теперь мать села около девочки. В

узкой, бедно обставленной приемной было чисто. По ту сторону деревянного барьера, делившего комнату надвое, стоял рабочий стол, простой, застланный клеенкой, а на нем — пишущая машинка старого образца и рядом ваза с цветами. Еще дальше, за столом, стояли приходские архивы. Чувствовалось, что порядок в кабинете поддерживает одинокая женщина. Дверь снова открылась, и на этот раз, протирая носовым платком стекла очков, вышел священник. Только когда он надел очки, стало ясно, что он родной брат женщины, которая их впустила.

— Что вам угодно? — спросил он.

— Ключи от кладбища, — ответила мать.

Девочка продолжала сидеть, цветы лежали у нее на коленях, а ноги под скамейкой были скрещены. Священник посмотрел на нее, потом на мать, а потом, сквозь металлическую сетку, затягивавшую окно, на безоблачное, ослепительно яркое небо.

— В такую жару, — сказал он. — Могли бы подождать, пока солнце будет пониже.

Мать покачала головой. Священник прошел за барьер, достал из шкафа тетрадь в клеенчатой обложке, деревянный пенал и чернильницу и сел за стол. Волос на голове у него было мало, зато они в избытке росли на руках.

— Чью могилу хотите посетить? — спросил он.

— Карлоса Сентено, — ответила мать.

— Кого?

— Карлоса Сентено.

Падре по—прежнему не понимал.

— Вора, которого убили здесь, в городке, на прошлой неделе, — не меняя тона, сказала женщина. — Я его мать.

Священник пристально на нее посмотрел. Она ответила ему таким же взглядом, спокойная и уверенная в себе, и падре залился краской. Он опустил голову и начал писать. Заполняя страницу в клеенчатой тетради, он спрашивал у женщины, кто она и откуда; она отвечала без запинки, точно и подробно, словно читая по написанному. Падре начал потеть. Девочка расстегнула левую туфлю, подняла пятку и наступила на задник. То же самое она сделала и правой ногой.

Все началось в понедельник на прошлой неделе, в нескольких кварталах от дома священника. Сеньора Ребека, одинокая вдова, жившая в доме, полном всякого хлама, слышала сквозь шум дождя, как кто-то пытается открыть снаружи дверь ее дома. Она поднялась с постели, нашла на ощупь в гардеробе старинный револьвер, из которого никто не стрелял

со времен полковника Аурелиано Буэндиа, и, не включая света, пошла к двери. Ведомая не столько звуками в замочной скважине, сколько страхом, развившимся у нее за двадцать восемь лет одиночества, она определила в темноте, не подходя близко, не только где находится дверь, но и где расположена в ней замочная скважина. Сжав револьвер обеими руками и выставив его вперед, она зажмурилась и нажала на спусковой крючок. Стреляла она первый раз в жизни. Когда выстрел прогремел, она сперва не услышала ничего, кроме шепота мелкого дождя на цинковой крыше. Потом на зацементированную площадку перед дверью упал какой-то небольшой металлический предмет, и невероятно усталый голос очень тихо сказал: «Ой, мама!» У человека, которого на рассвете нашли мертвым перед ее домом, был расплющенный нос, на нем была фланелевая, в разноцветную полоску рубашка и обыкновенные штаны, подпоясанные вместо ремня веревкой, и еще он был босой. Никто в городке ею не знал.

— Так, значит, звали его Карлос Сентено, — пробормотал, закончив писать, падре.

— Сентено Айяла, — уточнила женщина. — Он был единственный мужчина в семье.

Священник повернулся к шкафу. На гвозде, вбитом в дверцу, висели два больших ржавых ключа; именно такими представляли себе девочка, и ее мать, когда была девочкой, да и, должно быть, когда-то сам священник ключи святого Петра. Он снял их, положил на открытую тетрадь, лежавшую на барьере, и, взглянув на женщину, ткнул пальцем в исписанную страницу.

— Распишитесь вот здесь.

Женщина, зажав портфель под мышкой, стала неумело выводить свое имя. Девочка взяла цветы в руки, подошла, шаркая, к барьеру и внимательно посмотрела на мать.

Падре вздохнул.

— Никогда не пытались вернуть его на правильный путь? Кончив писать, женщина ответила:

— Он был очень хороший.

Несколько раз переведя взгляд с матери на дочь, падре с жалостью и изумлением убедился в том, что плакать ни та ни другая не собираются. Тем же ровным голосом женщина продолжала:

— Я ему говорила, чтобы никогда не крал у людей последнюю еду, и он меня слушался. А раньше, когда он был боксером, его, бывало, так отделают, что по три дня не мог встать с постели.

— Ему все зубы выбили, — сказала девочка.

— Это правда, — подтвердила мать. — Для меня в те времена у каждого куска был привкус ударов, которые получал мой сын в субботние вечера.

— Неисповедимы пути господни, — сказал священник.

Но сказал он это не очень уверенно, отчасти потому, что опыт сделал его немного скептиком, а отчасти из-за жары. Он посоветовал им накрыть чем-нибудь головы, чтобы избежать солнечного удара. Объяснил, позевывая и уже почти засыпая, как найти могилу Карлоса Сентено. На обратном пути, сказал он, им достаточно будет позвонить в дверь и потом просунуть под нее ключ, а также, если есть возможность, милостыню для церкви. Женщина выслушала его очень внимательно, но поблагодарила без улыбки.

Направляясь к наружной двери, чтобы ее открыть, падре увидел: прижавшись к металлической сетке носами, внутрь глядят какие-то дети. Когда он открыл, дети бросились врассыпную. Обычно в это время дня на улице не было ни души. Сейчас, однако, там были не только дети. Под миндальными деревьями стояли небольшие группки людей. Падре окинул взглядом улицу, преломленную в призме зноя, и понял. Мягким движением он снова затворил дверь.

— Подождите минутку, — сказал он, не глядя на женщину. Дверь в глубине дома открылась, и оттуда вышла его сестра; — поверх ночной рубашки она набросила черную кофту, а волосы у нее были теперь распущены и лежали на плечах. Она посмотрела молча на священника.

— Что случилось? — спросил он.

— Люди поняли, — прошептала сестра.

— Лучше им выйти через патио, — сказал падре.

— Да все равно, — сказала сестра. — Все повысовывались в окна.

Похоже было, что мать поняла только теперь. Она вглядывалась в сетку, пытаясь рассмотреть, что делается на улице. Потом взяла у девочки цветы и пошла к двери. Девочка зашагала за нею следом.

— Подождите, пока опустится ниже солнце, — сказал падре.

— Вы расплавитесь, — добавила, стоя неподвижно в глубине комнаты, его сестра. — Подождите, я вам одолжу зонтик.

— Спасибо, — ответила женщина. — Нам и так хорошо. Она взяла девочку за руку, и они вышли на улицу.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)